

Моя жизнь не триллер. Моя жизнь — противоположность триллеру. Какое облегчение. Кому хочется, чтобы жизнь щекотала нервы? Не поймите меня неправильно. Мы хотим, чтобы жизнь была *захватывающей*: хотим, чтобы она вдохновляла, удивляла, давала нам повод вставать и каждый день жизни пробовать что-то новое. Но чтобы она щекотала нервы? Да ни за что. Все, что случается в триллерах, было бы абсолютно, мать его, ужасающим в реальном мире. Вы видели миллион сцен преследования в фильмах, столько, что вы едва отвлекаетесь от складывания постиранного белья, когда такое происходит в чем-то, что вы смотрите на Нетфликсе в этот момент. Они приелись; они пресные и скучные. Но если бы вы оказались в одной из этих сцен преследования, это было бы кошмаром. Вы бы бежали... спасая свою жизнь! Если бы вы выжили, вы бы годами пытались справиться с этим. Вы бы тряслись и съеживались из-за этого на сеансах психотерапии, у вас были бы кошмары об этом, и вы бы просыпались от них с криком, вам сложно было бы установить какую-либо тесную связь с другим человеком. Это было бы худшее, что случилось с вами.

Реальность, к счастью, это не триллер. Эти вещи не случаются с вами, и они не случаются со мной. Моя жизнь — это лишь мелкие моменты, как и ваша. Мы не живем в череде сюжетных событий. И должны быть благодарны за это. Мы должны понимать, как нам повезло.

Когда я говорю, что знаю — она села в «Камаро» в 7:22 утра, поверьте, я знаю наверняка. Моя уверенность является результатом моей рутины. Может, вы так не думаете, но моя повседневность не так уж отличается от вашей. Я уверен, потому что утро того дня было обычным, посредственным, как и любое другое. Я уверен, потому что я видел ее, как всегда.

Марджани разбудила меня в шесть утра. Мы молча позавтракали. Я ответил на письма и полистал Инстаграм, пока не началась программа «Сегодня» и не оповестила меня обо всех ужасах, произошедших в мире за прошлую ночь. После того как Хода* радостно пробежалась с рассказом, как все рушится, Аль объяснил, что сегодня в Лас-Крусес будет под сорок градусов тепла, уххх, а потом улыбнулся и передал слово 11Alive, местному филиалу из Атланты, как и каждый будний день в 7:17. Ведущий прогноза погоды, Челси МакНил, которого по-настоящему так зовут, улыбнулся, как *он* всегда делает в 7:17. Наступило время ПИЗометра**. У каждой телевизионной станции должен быть ПИЗометр. Это просто число от 1 до 11, где 11 — это платонический идеал погоды на этой планете, а 1 предположительно

* Хода Котб — одна из ведущих американской программы «Сегодня».

** В ориг. WIZ/Weather Information Zone — Погодная информационная зона.

Какая удача

означает метеоритный дождь, который убьет всех нас, и оно характеризует погоду на день. У Челси МакНила ровно четыре минуты, чтобы рассказать нам о местной погоде и добраться до ПИЗОметра, прежде чем ему нужно будет снова передать слово Алу в Нью-Йорке.

Эти четыре минуты бывают пыткой. Иногда меня беспокоит, как сильно мое эмоциональное благополучие зависит от ПИЗОметра. Я работаю из дома. Я провожу здесь все время. «Снаружи», за пределами моего крыльца, я бываю редко. ПИЗОметр дает мне шанс увидеть мир на несколько минут. Если выдают 8 или выше, как сегодня («Тебе понравятся эти выходные, Атланта!»), я спешу на крыльцо изо всех сил. А главное, я спешу наружу ровно в 7:21. Так же было в этот день, так же будет завтра, так будет, пока я могу выбираться туда и пока прогноз погоды будет хорошим.

Марджани подошла к своей «Хонде Цивик» и помахала мне на прощание: *Увидимся завтра, Дэниел*. Наша рутина уже превратилась в танец без слов, утвердившись за годы практики, Марджани — Астер, а я — Джинджер Роджерс, делающий то же, что и она, только задом наперед и на каблуках. Теперь она хорошо говорит на английском, но годы, когда она знала очень мало, научили нас этому молчаливому танго. Иногда мы разговариваем. Иногда нет. Я наблюдал, как ее машина долго стонала, прежде чем завестись. Она ездила на ней, сколько я ее знаю, и я понятия не имею, как эта машина до сих пор на ходу.

Марджани проехала по Агрикалчер-стрит в сторону Стегеман Колизея, где ей нужно было помочь с уборкой после мероприятия спортивного клуба, прошедшего прошлым вечером. Скоро должен был состояться домашний футбольный матч университета Джорджии, из-за чего на

неделе было много больших событий, а это в свою очередь значило больше работы для Марджани. Она помогает мне по утрам, а потом отправляется на разные подработки: уборка, присмотр за детьми, визиты на дом, иногда готовка. Этим она занималась за день до того и будет это делать сотни следующих. Конечно, если эта ее кашляющая машина протянет так долго.

Я отпил через трубочку, наблюдая за ее отъездом с крыльца. Ей пришлось ударить по тормозам, когда какой-то подросток с рюкзаком бездумно выскочил на середину дороги, и он поднял руку, частично извиняясь, но в основном с унылой принужденностью, а затем поспешил в лес. В остальном дорога пустовала, утро было тихим, из тех, когда у всего Атенс похмелье. Все будто отсыпались лишний час. Даже студенческое общежитие, обычно бурлящее исполнительными докторантами, было тихим и темным. Я глубоко вдохнул и попытался вобрать редкий момент уличной тишины. Как часто я один на улице?

А потом я увидел ее. Когда я описываю это вам, это звучит как какой-то большой драматичный момент, словно она выпрыгнула на меня, словно я не мог ее не заметить, словно на ней было ярко-красное пальто в черно-белом мире. Словно я был в триллере. Но все совсем не так. Она просто шла, как всегда. Обычно она не единственная выходит на улицу так рано, но в тот день была только она. Я видел ее в это время каждый день три недели подряд, точно по расписанию. Она, студентка где-то второго курса, с синим рюкзаком, шла по тротуару в том же направлении, в котором только что уехала Марджани. В тот чудесный осенний день, тянущий на 8, может, даже 9 по ПИЗометру, она брела по

Какая удача

Агрикалчер-стрит в 7:22 утра, просто еще одна студентка, идущая на занятия.

Как обычно, она отличалась только тем, что не пялилась в телефон. Она никогда даже не ходила в наушниках. Она не смотрит по сторонам, всегда одна, сливается с тротуаром. Она никогда не замечала меня, и, честно говоря, я бы никогда не подумал заметить ее, если бы она не появлялась каждый день в то самое время, когда я на крыльце. Она просто шла. Это все, что она делала.

До того дня. В тот день она на секунду остановилась. Без причины: перед ней не выезжала машина, ничего такого. Она просто остановилась, перевела взгляд и впервые посмотрела мне в глаза. Это явно было случайностью; ее взгляд метнулся в сторону быстрее, чем остановился на мне. Но она меня увидела. А я увидел ее. Затем она снова остановилась, посмотрела на меня, на этот раз внимательнее, немного улыбаясь. Подняла правую руку. *Привет*. Потом пошла дальше.

«Камаро» выехала с Саутвью Драйв на Агрикалчер-стрит. Она была бежевой, нуждалась в новой покраске и намного большей заботе, чем получала до этого. По моим догадкам, это машина шестидесятых годов выпуска, винтажная — тогда «Камаро» считалась первоклассной спортивной машиной, а не чем-то, в чем ты пытался устроить свиданку с Салли или Бетти в семидесятых. Эта машина стоит усилий на ее восстановление к прежнему величию, усилий, которые на тот момент не прилагались.

Машина подъехала к ней и остановилась. Она заглянула внутрь. Кажется, пожала плечами. Я не видел, что происходило в машине. Она качнула головой, коротко рассмеялась, затем снова пожала плечами. Потом води-

тель открыл дверь пассажирского сиденья. Я не мог разобрать его лица, но разглядел две вещи: как мелькнул блестящий, почти прозрачный носок его ботинка на левой ноге — он сверкнул хромом — и синюю кепку «Атланта Трэшерз» у него на голове. Я помню, что кепка «Трэшерз» показалась мне странной даже в тот момент. Здесь была команда НЛХ под названием «Атланта Трэшерз» десять, пятнадцать лет назад, но никому на юге не нравится хоккей, поэтому они переместились в Виннипег. Кто носит кепку «Атланта Трэшерз»?

Она замешкалась и мимолетом взглянула вправо, словно убеждаясь, что никто за ними не наблюдает. Потом посмотрела влево и снова увидела меня. Она быстро отвела взгляд, словно пристыдилась или, может, искала... чего? Моего разрешения? Может, она просто была рада, что кто-то видел. Может, она хотела, чтобы не видел никто. Я понятия не имею. Это было просто обычное осеннее утро. Не было причин думать об этом весь остаток дня, и я этого не делал. Вы бы тоже не думали. Ничего такого.

Но она села в машину. Было 7:22 утра. Я в этом уверен.

ВТОРНИК

1.

В 11:13 незнакомец впервые называет меня «зомби стажером-членососом», и в общей сложности, это неплохо для сонного вторника. В середине недели люди в основном путешествуют по работе, и они в среднем вежливее, чем туристы, но становятся намного резче и яростнее, если перейти им дорогу, потому что У Них Есть Статус. Но сегодня легкий вторник. Это очередной хороший день по ПИЗометру, отчего настроение лучше у всех.

«Зомби стажер-членосос» это, я полагаю, отсылка к моей бездушности, нехватке власти и влияния в обществе, и моей одиозности в целом, соответственно. (Последнее слишком грубое и не относящееся к сути разговора, чтобы конкретно сослаться на мою предполагаемую сексуальную ориентацию.) Все начинается с мелкого шторма, единственного, что отображается на моем радаре «Везэр Андерграунд», который, по всей видимости, не дает вылететь из Литл-Рок, Арканзас, самолету @pigsooeyhogs11, направляющемуся в Нэшвилл. Хоть я могу понять, как неприятно застрять в Арканзасе, я ничего не могу для него сделать, учитывая, что я сижу

в этом кресле и за этим столом в Атенс, Джорджия. Но он не хочет, чтобы я чем-то ему помог. Он просто хочет, чтобы я сидел и сносил оскорбления. Я обладаю уникальным набором навыков для этой работы, а сидеть и сносить оскорбления — первые среди них.

@spectrumair сижу в аэропорту Литл-Рок уже
25 минут и никаких новостей ЧЗХ?

@spectrumair уже 35 минут жду
#идитенахепсpectrumair

@spectrumair я знаю что вам плевать но я все
еще здесь

Нас учат не отвечать на каждый твит. Может, мы могли бы — Spectrum Air это региональная авиалиния, летающая только между восемью разными аэропортами по три раза в день; пассажиров недостаточно, чтобы перегрузить нас, даже если каждый из них взбесится — но ответы на каждый комментарий могли бы создать впечатление, что нас действительно заботят их жалобы, а это не так. Конечно, нужно *делать вид*, что нам не все равно: последнее, что нужно любому бренду, даже если речь идет о крохотной региональной авиалинии, базирующейся в Алабаме, это выглядеть так, будто он не ценит каждого из своих верных клиентов. Но им плевать. Если бы их это заботило, они бы наняли штатных сотрудников по связям с общественностью, координатора соцсетей и, не знаю, может, добыли бы парочку самолетов, которые не нужно задерживать из-за нескольких тучек, замеченных в пятидесяти милях. Но Spectrum Air не такая авиалиния. Spectrum Air платит мне двадцать пять долларов в час, чтобы я вежливо отвечал на «недовольные»

Какая удача

твиты. И не важно, что за билет по цене 79\$ от Литл-Рок до Нэшвилла ты получаешь то, за что заплатил.

Конечно, я не это ему говорю. После третьего твита и оповещения из центрального офиса, что рейс задерживается на неопределенное время, пока не решится «вопрос с погодой», я отвечаю. У меня уходит больше времени на ответ, чем у других людей, и я подозреваю, что это еще одна причина, по которой я подхожу для этой работы.

@pigsooeyhogs11 Приносим извинения за доставленные неудобства. Ваш рейс задерживается из-за погодных условий. В данный момент у нас нет информации, но мы оповестим вас, как только что-то узнаем. 👍

Всегда используйте эмодзи «расслабься», отвечая злым людям. Как сильно можно разозлиться на эмодзи? Если бы мы общались исключительно эмодзи, не было бы войн.

Оказывается, @pigsooeyhogs11 может довольно сильно разозлиться на эмодзи: реплика про зомби стажера-членососа появляется спустя два твита. Когда клиент начинает оскорблять или нападать, с ним ничего нельзя поделать, поэтому нам говорят просто отключать оповещения об их твитах. Их нельзя заблокировать — это показывает, что ты их слышал — нужно просто отключать оповещения, чтобы все их вопли и жалобы стали пустым воем в эфир. Они просто кричат в пустоту.

Я признаюсь, есть определенная справедливость одиночества в идее, что разъяренные люди вбивают в свой телефон оскорбления, которые буквально никто не увидит, потому что оповещения отключены. Таким об-

разом, моя работа почти служит на общественное благо. У всех свои демоны, и в вашей повседневной жизни сложно найти место, куда можно излить все это недовольство. Вы можете кричать в подушку, или сорваться на свою собаку, или просто накапливать это, пока все не взорвется в неподходящий момент, вредя вам или кому-то вам небезразличному. Я бы сказал, что выплескивать ярость на дешевую региональную авиалинию в интернете это один из самых продуктивных, здоровых способов это сделать. Людям нужно куда-то ее девать. Пусть уже выплескивают на нас.

Но все равно я никогда не отключаю их оповещения. Прямо сейчас это взбешенные путешественники, но за пределами нашего самолета это просто сыновья и дочери, мамы и папы, сотрудники и начальники, и пятый в очереди человек в «Пабликс», и обеспокоенные посетители больницы, и, в конце концов, это просто люди, лежащие в гробу, окруженные другими, сидящими на раскладных стульях и жалеющими, что не проводили с ними больше времени. Они что-то переживают, отчаянно хотят быть услышанными, и кажется неправильным не давать им этого. Разговор закончился, как только он бросил слово «членососа». Но затыкать кого-то, испытывающего боль, кажется жестоким. Политика компании — отключать оповещения. Но я просто не могу.

Однако, что мне действительно нравится делать, когда кто-то перешел черту и мне больше нельзя с ними контактировать из-за политики компании, это искать других людей на том же рейсе, которые пожаловались менее вульгарно, и давать информацию *им*. Может, они сидят рядом с разозленным человеком и передадут ему информацию. Мне хочется в это верить. Мне нравится

Какая удача

представлять, что, когда незнакомка на рейсе человека, назвавшего меня членососом, узнает, что самолет взлетит через двадцать минут, она подойдет и оповестит этого человека. Разозленный человек отложит телефон, забыв, что он вообще злился, улыбнется и скажет: «Ой, спасибо». Женщина улыбнется в ответ. Два незнакомца вежливо обменялись информацией, и каждый сделал день другого немного, но лучше. Все мы переживаем такие взаимодействия. Кто-то открывает нам дверь. Мужчина поднимает стаканчики, которые мы уронили у кассы. Никто не запоминает эти тихие, мимолетные, мелкие проявления банальной доброты, которые мы видим каждый день. Но мы будем помнить только парня, назвавшего нас членососом в Твиттере. Люди в реальном мире добры друг к другу, даже если эта доброта ничего не значит. Ее не замечают. Но так быть не должно. Мы всегда намного злее в телефонах, чем в реальном мире.

Я либо восхитителен в своей работе, либо ужасен. Я еще не решил. Но это работа и, если честно, не так уж много существует мест, куда я мог бы устроиться. Так что я не буду жаловаться на эту. Даже если @pigsooeuhogs11 только что пожелал мне заболеть раком мозга и сгореть заживо. Если подумать, я не уверен, как рак мозга должен сделать смерть от огня более болезненной или фатальной.

В дверь звонят, и как обычно я был в интернете так долго, что не заметил, как прошло все утро. Я выхожу из аккаунта и направляюсь ко входной двери. Трэвис пришел с его вторичным визитом, и принес сэндвичи барбекю из «Батт Хатт». Я уже забыл о @pigsooeuhogs11 и всех разговорах того утра. Как забавно это работает.

2.

— Значит, послушай, безумная хрень о той девушке, — говорит Трэвис. — У меня есть теория на ее счет, ага.

Трэвис одет в футболку с Дэниелом Джонсоном, висящую на нем: хоть она и маленького размера, но он все еще может заправлять ее в носки, и его светлые волосы все время спадают ему на глаза; он сдувает их с носа, как мультяшный герой, словно задувает свечку на торте. Я всегда боюсь, что если врежусь в него, то сломаю его пополам. Он будто накуренный Икабод Крейн. Я знаю Трэвиса дольше, чем кого-либо, не считая моей матери, и одна из причин, почему мы так хорошо ладим — и главная причина, почему мне кажется, что он обожает проводить со мной время — это то, что он никогда не затыкается. Он говорит без передышки, с озорными нотками и неровным смехом, делающим его похожим на сына Вуди Харрельсона и Джесси Айзенберга, воспитанного обдолбанным Фогхорном Легхорном. Он пускается в длинные, запутанные монологи о политике, спорте или музыке, в основном о музыке, за которыми невозможно уследить, даже если слушаешь очень внимательно. Я видел, как люди медленно встают и уходят посреди его